

ГЛАВА I

В ДЕРЕВНЕ МУНФЛИТ

Так гордость спит минувших дней.

Томас Мор

Деревня Мунфлит раскинулась в полумиле от моря, на правом, а точнее, западном берегу ручья Флит. Вдоль домов он несет свои воды по руслу столь узкому, что знавал я отменных прыгунов, которые даже без помощи шеста перемахивали на противоположный берег. Ниже деревни, однако, ручей растекался вширь соляным болотом и наконец исчезал, поглощенный соляным озером, привлекательным лишь для морских птиц, цапель да устриц. На островах Вест-Индии подобные заводи называют лагунами. Они отделены от моря полосой суши, сквозь которую им никак к нему не пробиться. У нас роль такой полосы играл галечный пляж, и речь о нем еще много раз пойдет впереди. В ранние годы своего детства я полагал, что названием Мунфлит (Лунная Флотилия) наша деревня обязана необычайной яркости лунного света, щедро льющегося тихими летними и морозными зимними ночами на лагуну, но позже мне объяснили: слово «лунная» образовалось из проглоченной буквы «о» в фамилии Моун. Носила ее семья, владевшая прежде всеми окрестными землями. И флотилия у них была собственная на нашем берегу. Флотилия Моунов.

Меня зовут Джон Тренчард, а история, о которой я хочу здесь рассказать, началась, когда мне было пятнадцать лет. Родители мои к тому времени давно уже умерли, жил я у тети, мисс Арнолд, хоть и любившей

меня по-своему, но слишком строгой и педантичной, чтобы и мне удалось когда-либо ее полюбить. Источком событий, столь для меня знаменательных, послужил вечер на исходе октября 1757 года. Я после чая устроился почитать в маленькой тетиной гостиной. С книгами у мисс Арнолд было негусто. Библиотека ее исчерпывалась Библией, молитвенником и несколькими томами проповедей. Зато у преподобного Гленни, учившего нас, детей из деревни, находилось много чего для меня интересного. Он-то и дал почитать мне арабские сказки из «Тысячи и одной ночи», полные таких захватывающих приключений, что я смог от них оторваться лишь с наступлением сумерек, когда меня вынудили к тому сразу три обстоятельства. Во-первых, я замерз. Тетя до ноября топить запрещала, в дымоходе очага, прикрытого цветным экраном, гулял ветер, а стулья с волосяной набивкой, казалось, собрали в себя всю промозглость холодной осени. Во-вторых, до меня стал доноситься из задней части дома противный запах растопленного сала, которое тетя принялась заливать на кухне в формы с фитилями, готовя запас свечей на зиму. И в-третьих, нервы мои не выдержали напряжения, когда я дошел до сцены, где Аладдин отказывается отдать своему мнимому дяде, а на самом деле алчному колдуну волшебную лампу, пока тот не даст ему выбраться из подземелья. Ответные действия лжеяди вызвали у меня ужас. Низвергнув на выход тяжелый камень, злой колдун заточает юношу вниз. Когда он очутился в крошечной тьме, у меня перехватило дыхание, и я ощутил себя словно в ночном кошмаре, когда на вас наползают стены и без того маленькой комнаты, норовя раздавить. Спасется ли Аладдин? Мне нужно было набраться мужества, прежде чем отважусь узнать, что станет с ним дальше, ибо тревога моя за него была такова, будто таила в себе сопричаст-

ность с моей судьбой и предупреждала о чем-то, что мне предстоит пережить самому.

Отложив книгу, я вышел на улицу. Никак по-иному, чем бедной, назвать ее было нельзя, хотя в прошлые времена она выглядела куда более презентабельно. Теперь население Мунфлита составляло менее двухсот душ, однако дома, которые оставались жилыми, уныло растянулись с большими промежутками друг от друга по обе стороны дороги на полмили. В деревне ничего не обновлялось. Если дому необходим был ремонт, его просто сносили и между соседними зданиями образовывалось все больше зияющих пустырей, которые выглядели как дырки во рту на месте удаленных зубов. Сады при снесенных домах зарастали, ограды рушились, а по-прежнему существующие жилища самим своим видом свидетельствовали, что существовать им осталось недолго.

Солнце село, и сумерки сгустились до такой степени, что даже нижнюю, то есть ближайшую к морю, часть улицы разглядеть стало невозможно. Воздух подернул легкий туман или дым, пахло горящей травой и тем первым осенним ощущением морозца, которое наводит на мысли о жарких огнях в каминах и о предстоящих уютных длинных зимних вечерах.

Тишину, окутавшую округу, нарушал только стук молотка вдаль. Мне стало любопытно, что там происходит, так как никто в деревне никакими ремеслами, кроме рыболовства, не занимался. Я пошел посмотреть и обнаружил внутри сарая, двери которого выходили прямо на улицу, помощника викария Рэтси, высекающего при помощи деревянной колотушки и резца надпись на надгробной плите. Прежде чем стать рыбаком, он был каменотесом, навыков обращения с инструментами не утратил, и если кому-нибудь приходила нужда установить надгробие на церковном дворе, с просьбой

об этом шли к Рэтси, и он ее исполнял. Я, опершись о нижнюю створку голландской двери, принялся наблюдать, как он трудится при свете тускло горящей лампы. Через какое-то время он поднял голову, увидел меня и сказал:

— Эй, Джон, коли тебе делать нечего, зайди внутрь да поддержи лампу. Мне работы-то только на полчаса осталось.

Рэтси был всегда добр ко мне и никогда не отказывался одолжить стамеску, без которой не сделаешь хорошую деревянную лодочку. Поэтому я вошел и стал светить ему, глядя, как он высекает кусочки портлендского камня, которые пролетали порой в довольно опасной близости от моих глаз. Надпись уже была целиком готова, и он наносил последние штрихи на крохотный пейзаж над ней с изображением шхуны, берущей на бордаж катер. Тогда мне показалось, будто рисунок исполнен достаточно тонко, но теперь понимаю, что он весьма груб. Впрочем, вы сами можете посмотреть. Надгробие это до сей поры стоит на церковном дворе в Мунфлите. И эпитафия на нем еще вполне различима, хотя лишайник ее сильно выжелтил и она выглядит далеко не так ясно, как в тот вечер, о котором я вам рассказываю.

*«Светлой памяти Дэвида Блока,
который пятнадцати лет был убит выстрелом
со шхуны “Электор”» 21 июня 1757 года.*

Жизни лишенный жестокой рукой,
С глиной смешаюсь родного я края,
Бога моля своей юной душой,
Чтоб в Судный день меня спас, уповаю.
Злой мой убийца не будет спасен,
Тщетно он станет взывать о прощении.
Жребий его в Судный день предрешен,
В Господа руки вверяю отмщенье».

Стихи сочинил его преподобие мистер Гленни, и, так как переписал для меня их текст, они быстро запомнились мне наизусть, тем более что деревня гудела историей гибели Дэвида, до сих пор не сходящей с уст местных жителей. Единственный ребенок Элзевира Блока, который держал на краю деревни таверну «Почему бы и нет», юноша этот оказался на борту кеча контрабандистов, когда их июньской ночью настигла в море таможенная шхуна. Ходила молва, что таможенников навел на след судья Мэскью из поместья Мунфлит Мэнор. Так или нет, но на шхуне «Электор» в момент захвата он находился. Суда сблизились. Завязалось что-то вроде борьбы, и, оказавшись почти вплотную к Дэвиду, Мэскью достал пистолет и выстрелил юноше прямо в лицо. Ко второй половине того же дня летнего равноденствия «Электор» привел кеч вместе с контрабандистами в Мунфлит, откуда они, скованные попарно, отправились под конвоем отряда констеблей в Дорчестерскую тюрьму. Арестованные брели по деревне, а люди стояли в дверях домов или шли за ними. Мужчины старались ободрить их добрым словом, а женщины сочувствовали их женам. Они ведь все были знакомы нам, эти ближайшие наши соседи из Рингстейва и Монгбьюри. Ну и конечно, всем было жаль Дэвида, тело которого оставалось на корабле. Дорого же заплатил он за свою ночную вылазку.

— Жестоко, жестоко и подло стрелять в такого молоденького, — произнес Рэтси, отступая на шаг, чтобы проверить, хорошо ли выходит у него флаг, который он выбивал на таможенной шхуне. — И остальным бедолагам тоже, по-видимому, не поздоровится. Адвокат Эмпсон сказал, что троих на первой же выездной сессии суда отправят на виселицу. Помню я, — продолжал он, — как двадцать лет назад после такой же вот легкой стычки «Роял Софи» с «Марнхаллом» четы-

рем контрабандным накинули петли на шею, и старик мой отец простудился до смерти в Дорчестере, пока смотрел, как вешали этих бедняг. Там ведь собралась вся округа, ступить на сухой земле было негде, вот он и простоял всю казнь в реке Фрол по колена в воде. Ну вроде достаточно, — снова внимательно присмотрелся к надгробию он. — В понедельник обведу люки черным, а флаг красным для яркости. Ты славно, сынок, подсобил мне с лампой, а потому пойдём-ка теперь со мной вместе в «Почему бы и нет». Я перекинусь там парой слов с Элзевиром, очень ему сейчас для поддержки потребна добрая беседа с другом, а для тебя найдем стаканчик голландского в целях сугрева после осенней стужи.

Я был всего лишь подростком, и приглашение в «Почему бы и нет» мне показалось немислимой честью, которая поднимала меня до звания подлинного мужчины. Ах, милые годы отрочества! Сколь же мы жаждем скорее покинуть их и с каким сожалением оглядываемся назад, даже еще не пройдя половины жизненной гонки! Впрочем, к радости, охватившей меня тогда, примешивалась ложка дегтя: во-первых, тревожила только мысль о том, как отреагирует моя тетья, узнав, что я побывал в «Почему бы и нет», а во-вторых, охватывал трепет перед Элзевиром Блоком, который и раньше-то отличался суровым нравом, а после гибели Дэвида стал в тысячу раз суровее и мрачнее обычного.

«Почему бы и нет» было ненастоящим названием таверны. На самом деле она называлась «Герб Моунов». Моуны, как я раньше уже говорил, владели некогда всей деревней, но процветание их ушло в прошлое, а вместе с этим кончилось и процветание Мунфлита. Руины поместного дома серели на склоне холма над деревней, Моуновские богадельни в центральной части улицы стояли опустевшими квадратами. Герб Моунов,

подписанный их фамилией, можно было увидеть везде, от церкви до таверны, и на всем, где он был, лежала печать упадка и разрушения. Тем не менее я позволю себе здесь подробно его описать, ибо знак этой семьи для меня очень важен и, как вам впоследствии станет ясно, печать его сопровождала всю мою жизнь, и мне не расстаться уж с ней до самой могилы.

Поле герба было белое или серебряное, а на нем чернел большой игрек, который я и называл игреком, пока не услышал от мистера Гленни, что это совсем не «игрек», а так называемый в геральдике вилообразный крест, хотя выглядело это как толстенный игрек, две расходящиеся линии которого доходили до верхних углов щита, а нижняя упиралась в его основание. Взгляд на нее наткнулся в деревне везде, куда ни посмотришь. Герб высечен был на камне особняка, камне церкви и на деревянных предметах в ней, на множестве домов и, конечно же, нарисован на вывеске над входом в таверну. И каждый житель округа знал, что это знак Моунов и что именно бывший землевладелец однажды в шутку назвал таверну «Почему бы и нет», и к ней с той поры это прозвище прочно прилипло.

Зимними вечерами я иногда останавливался подле нее, слушая пение тамошних завсегдаев. Репертуар у них был излюбленный моряками с запада. Пели «Камень-уточку», или «Сигнальте ожидающим на берег», или прочее в том же роде. Смысл этих песен оставался для непосвященных весьма туманен, потому что пели их в основном не с начала и редко допевали до конца, зато дружно подхватывали следом за запевалой припевы. Сильно в таверне не напивались. Элзеvir Блок и сам никогда не перебирал через край, и гостей удерживал от подобного, но в те вечера, когда у него начинали петь, помещение наполнялось столь сильным жаром, что оконные стекла затягивала испарина, и мне